

ЮРИЙ БЕРЕЗКИН

ИМПЕРИЯ
ИНКОВ

Юрий Берёзкин
Империя инков

«Алисторус»

2014

Берёзкин Ю. Е.

Империя инков / Ю. Е. Берёзкин — «Алисторус», 2014

Книга рассказывает об одной из величайших мировых имперских моделей – «Империи инков». Из всех индейских племен, проживавших на территории Южной Америки, достичь наибольших успехов и реально сформировать настоящую империю, подобную европейским, получилось только у перуанских племен кечуа, создавших могущественную империю инков. Она унаследовала многовековые традиции более ранних цивилизаций, но возникла из конгломерата сражающихся племен, чьи вожди набивали чучела врагов золой и соломой и пили пиво из человеческих черепов. Основой этой империи стала продуманная социально-экономическая и административная система. С помощью этой системы инкам удалось в невиданных прежде масштабах мобилизовать трудовые ресурсы огромной страны.

© Берёзкин Ю. Е., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Введение	5
Глава I	14
Природные условия центральных Анд	14
Этноязыковая ситуация накануне инкского завоевания	17
Предшественники инков по данным археологии	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юрий Березкин

Империя инков

Введение

Более половины тысячелетия миновало с тех пор, как в 1492 году каравеллы Колумба пересекли Атлантику. В 1513 году, преодолев Панамский перешеек, испанцы впервые вышли к Тихому океану. В 1521 году пала столица ацтеков Теночтитлан. В 1531 году Франсиско Писарро отплыл из Панама в Перу завоевывать государство Инков, слухи о богатстве которого доходили до Центральной Америки. Конкистадоры высадились где-то в районе экватора и затем много месяцев добирались сушей до Тумбеса – самого северного инкского порта близ современной экваторо-перуанской границы. Еще три месяца Писарро провел в окрестностях этого города, собирая сведения о стране, которую желал покорить. Новости оказались благоприятны: в Перу едва закончилась война между Атауальпой и Уаскаром – двумя претендентами на инкский престол. Атауальпа одержал победу и располагался с армией около Кахамарки, примерно в 500 км на юго-юго-восток от Тумбеса, в горах. С 62 всадниками и 102 пехотинцами Писарро в ноябре 1532 года достиг ставки Атауальпы и, заманив его в ловушку, захватил в плен. При этом погибли две тысячи индейцев, испанцы же потерь не понесли. Согласно легенде, лишь сам Писарро был легко ранен. Взяв с Атауальпы огромный выкуп золотом, испанцы затем казнили его. Одним из поводов для приговора стало обвинение в убийстве Уаскара. Почти без боев достигнув инкской столицы Куско, конкистадоры со всеми подобающими церемониями возвели на трон младшего брата Уаскара Манко Капака. Тот вскоре поднял восстание, но не смог отвоевать Куско и увел своих сторонников на запад-северо-запад от столицы, где в труднодоступном горном районе создал так называемое Новоинкское царство. Последний его правитель был казнен испанцами в 1572 году. К этому времени население страны сократилось на несколько миллионов человек – в основном из-за гибели коренных обитателей от занесенных европейцами болезней. Большинство испанцев, возглавивших завоевание Перу, умерло насильственной смертью в междоусобных схватках.

Конкиста со всеми ее жестокостями и преступлениями явилась прямым следствием открытия Америки. И все же историки не смешивают эти два события, рассматривая их под разным углом зрения и оценивая неодинаково. Нарушение многотысячелетней изоляции Нового Света, установление глобальных международных связей рано или поздно должно было произойти. Для Западной Европы начало плаваний за океан означало выход из опасного кризиса. Встретившись с угрозой османского нашествия, Европа нуждалась в золоте, утекавшем в те времена на Восток, в обмен на пряности. Но без золота нельзя было ни собрать армию, ни построить мощный флот. Кто знает: опоздай Кортес и Писарро на пятьдесят лет – и западная цивилизация, быть может, вовсе не достигла бы того расцвета, который ожидал ее в последующие века. Что же касается индейцев, то им встреча цивилизаций принесла, конечно, мало хорошего. Но раз уж считать конкисту неизбежной, то следует подумать о том, что пятьюдесятью годами раньше последствия испанского завоевания для Мексики и Перу были бы еще более трагичны. Ведь в XV – начале XVI века народы этих стран переживали самый напряженный и отмеченный блестящими достижениями период своего развития. И хотя вслед за этим история аборигенов Америки оказалась оборвана, произошло это все же не на полуслове, а скорее, в конце очередной главы.

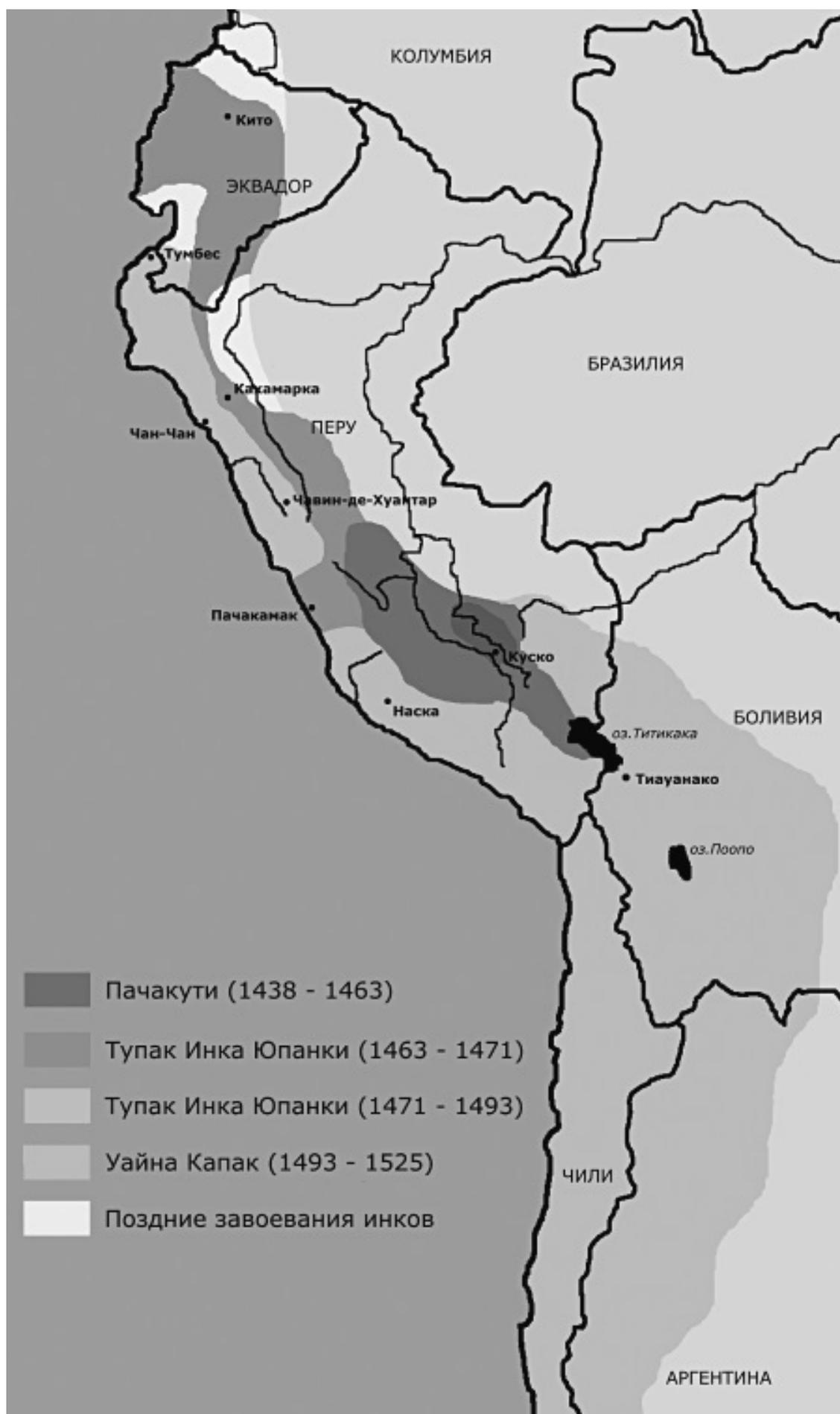
Центральных Анд, как именуют область высоких перуано-болливийских культур археологи, сказанное касается прежде всего. С позиции сегодняшнего дня история древнего Перу выглядит поразительно стройной, прямо-таки образцово иллюстрирующей закономерный ход

общественной эволюции. Пять-шесть тысяч лет назад местные индейцы вышли на магистральный путь, приведший их к вершинам цивилизации. Племена стали реже менять места обитания, охотники и собиратели, уделявшие выращиванию растений лишь незначительную часть своего времени, превращались в настоящих земледельцев. На побережье Тихого океана становлению оседлой культуры содействовало освоение богатейших рыбных ресурсов, в горах – одомашнивание альпаки и ламы. В конце IV – начале III тыс. до н.э. в некоторых районах северного Перу уже появились высокие платформы из щебня и глины, наглядно свидетельствуя о росте общественного богатства и умении строителей действовать сообща. В середине II тыс. до н.э. эти сооружения достигли гигантских размеров – в то время лишь древние египтяне могли похвастаться большими достижениями. Все более многочисленные и сложные коллективы людей требовали все более профессионального руководства. В первых веках нашей эры в Центральном Андах возникают настоящие государства или, чтобы быть осторожнее, общества уровня государств. Могущество их правителей крепнет. Одни культуры впоследствии гибнут, другие приходят им на смену, порой обширные области переживают упадок. Однако при всех зигзагах развития перуанская цивилизация эволюционирует в том же направлении, что и другие древние общества, например, ближневосточное или китайское: борьба народов и государств завершается объединением всех земель с определенными природно-ландшафтными условиями в границах одного гигантского политического организма – империи.

Знаменитый английский историк Арнольд Тойнби много писал о том, сколь притягательна бывает идея империи – сверхгосударства, концентрирующего огромные ресурсы, осуществляющего грандиозные проекты и устанавливающего единообразие и порядок. Любая империя обречена на исчезновение, но и после распада и гибели остается ее идеализированный образ. Воодушевленные им люди не жалеют усилий для возрождения сверхгосударства, и порой это им удается. Поэтому от империи непросто избавиться: пережив свою смерть, она оживает в новом обличье. Иногда новая империя возникает непосредственно на руинах старой, но бывает и так, что их разделяют века, если не тысячелетия. Последний иранский шах уподоблял свою страну державе Ахеменидов, а его гонитель и преемник пытался вернуть весь исламский мир в эпоху халифатов. Что же касается китайцев, то название древней империи Хань даже стало самоназванием народа.

Империя инков не составляет исключения. Во второй половине прошлого века в Латинской Америке было достаточно много людей, которые связывали с ней не прошлое, а будущее. Возможность возрождения андской державы не выглядит сейчас вероятной. И все же история непредсказуема – хотя бы уже потому, что представления о ее «законах» слишком сильно меняются в зависимости от накопленного нами опыта.

Итак, инки. Слово это употребляется в разных значениях. Для большинства читателей, лишь понаслышке знающих о культурах аборигенов Америки, инки есть чаще всего то же самое, что и древние перуанцы. Специалисты порой имеют в виду под инками всю совокупность подданных инкского государства, но инками неверно называть создателей более древних индейских культур. Еще недавно считалось, что в отличие от майя и даже ацтеков инки вышли на арену истории очень поздно, всего лишь за сто лет до появления испанцев. Сейчас эта точка зрения пересмотрена: в XIII в. н.э. инкское государство уже сформировалось. Тем не менее границы инкской империи установились как раз накануне первого путешествия Колумба, а ее социально-экономическая структура окончательно выкристаллизовалась уже в те годы, когда конкистадоры уничтожали гаитянских араваков и покоряли Мексику.

Рост империи Инков

Под инками в точном значении слова надо понимать лишь столичную аристократию государства – потомков маленькой этнической группы (условно говоря, «племени»), жившей на юге Перу и лет за 400 или 500 до прихода испанцев установившей контроль над долиной Куско. Позже в категорию так называемых «инков по привилегии» вошло иноплеменное население окрестностей Куско, близкое настоящим инкам по культуре и издавна связанное с ними родственными отношениями. Само слово «инка» некогда означало, по-видимому, примерно то же, что и кечуанское «синчи», т. е. «воин», «военачальник», «доблестный и родовитый муж». Отсюда логичен переход к последнему важному значению слова «инка» – «предводитель», «царь». «Инка» входит поэтому в довольно длинный ряд эпитетов, из которых складывались имена верховных властителей андской империи (в литературе эти имена обычно даются в упрощенной форме). Таким образом, если «инки» есть название народа либо правящей социальной группы, то «Инка» (в единственном числе) обозначает главу государства инков. При необходимости подчеркнуть именно это значение пишут о Сапа Инке, т. е. Великом Инке (императоре).

Об инках написано много, но тема эта неисчерпаема. Древнеперуанская цивилизация – явление мирового класса. От того, какой образ инкской империи создадут в своих реконструкциях ученые, быть может, зависит в определенной мере наше общее представление об истории человечества, а тем самым – в какой-то мере и о возможном и желательном направлении будущего развития. Так инки до сих пор оказывают на нас влияние. Но верно и обратное утверждение: мы сами влияем на инков. Каждое поколение по-новому смотрит на события прошлого. Вольно или невольно люди различают в истории лишь отражение тех идей, которые помогают им в данный момент ориентироваться в окружающем мире. Неудивительно поэтому, что в Новейшее Время одни видели в инках граждан социалистической утопии, другие – деспотов-рабовладельцев, третьи – создателей сравнительно примитивного раннего государства, причем в обоснование своей позиции приводили зачастую одни и те же факты. И если сейчас мы способны посмотреть на историю народов Центральных Анд иначе, чем 30, 50 или 100 лет назад, то не только из-за возросшего объема знаний об инках и их предшественниках, но еще и потому, что изменилось общество, в котором мы сами живем.

Эта книга была закончена четверть века назад. На переиздание я согласился с условием, что смогу сделать исправления в тексте. По совести говоря, следовало бы не ограничиться исправлениями, а переписать текст от начала и до конца. За последние годы в науке о древних обществах произошла революция, а объем наших знаний о Древнем Перу возрос многократно. Российский читатель обо всем этом знает мало. И дело не в том, что информацию трудно найти – она открыта для всех в интернете, по крайней мере англоязычном. Проблема в утрате ориентиров. Господствовавшие в советское время представления о древней истории в основном сложились еще в XIX в. и к концу XX в. безнадежно устарели. Крах советской системы привел не столько к обновлению, сколько к кризису нашей науки – она лишилась поддержки общества, перестала быть ему интересной. Подавляющее большинство россиян не верит уже ни в какие теории и концепции и даже не пытается отличать доказанные факты от заведомой чуши и домыслов.

Надеюсь, что читатели этой книги составляют исключение. Тех, кто хотел бы познакомиться с Древним Перу подробнее, прошу зайти на сайт Музея Антропологии и Этнографии (Кунсткамера), где среди электронных ресурсов доступна и моя недавняя монография «Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике» (СПб, 2013). В Кунсткамере можно приобрести и печатный экземпляр. В книгу же, которую читатель держит перед собой, были внесены лишь минимальные поправки и добавления.

Особого комментария требуют последние главы книги, в которых говорится не столько об инках, сколько об империях вообще и прежде всего о той, в которой автор прожил больше половины своей жизни. Лет 15 назад могло показаться, что подобная проблематика в России раз и навсегда утратила актуальность – но ведь нет же! Так что большую часть соответствующего текста я оставил без изменений.

Теперь объясню кратко, в чем именно наши представления об инках и их предшественниках отличаются от господствовавших в 1980-х годах.

До середины XX века основным источником сведений об инках оставались так называемые хроники – труды, написанные в XVI—XVII веках и рассказывающие об истории, хозяйстве, обычаях, верованиях обитателей Перу. Их авторами были как испанцы, так и потомки индейской знати. Значение перуанских хроник невозможно переоценить и сейчас. Вместе с тем хроники не содержат ответ на все возникающие вопросы и в целом дают несколько более искаженную картину жизни инков, чем аналогичные работы по истории и культуре ацтеков. Традиции древнемексиканского общества начала XVI века оказались понятнее европейцам, чем андские. Религиозные и календарно-астрономические представления, государственные и политические институты, экономическая организация, а главное, распространенный в Мексике способ накопления и передачи информации, т. е. письменность, не отличались принципиально от известных европейцам либо по собственному опыту, либо благодаря общению с другими народами Старого Света или сведениям, дошедшим от античности. Представители прежней ацтекской знати в свою очередь сравнительно легко перешли на латиницу и рассказали в своих сочинениях о жизни и истории разрушенного конкистадорами государства.

Инки хранили информацию с помощью кипу – связок разноцветных шнурков с узелками. Подобная знаковая система была не менее емкой, чем ацтекское полупиктографическое письмо, но она несопоставима с европейской. Кипу не были случайным изобретением. Они появились до инков, а принципы мышления, лежащие в основе «узелкового письма», тесно связаны с присущими индейцам Анд календарно-астрономическими представлениями, с особенностями их социальной организации. В Андах пропасть между европейской и местной культурами была столь глубокой, что после конкисты образованные индейцы и метисы оказались способны изложить свои взгляды в доступной завоевателям форме лишь в тех случаях, когда их собственное мышление в определенной мере европеизировалось. У некоторых авторов, таких как очень популярный в свое время Инка Гарсиласо де ла Вега, европеизация была более, у других – менее полной, но в совсем нетронутым виде древнее индейское мировоззрение вряд ли кто-нибудь сумел передать. К тому же из-за вспыхнувшей между конкистадорами распри сбор сведений о культуре и прошлом Перу начался лишь через полтора десятилетия после похода Писарро, когда память о реальном государстве инков уже стала вытесняться его легендарным образом. Большинство же «хроник» написано не участниками событий 1530-х годов, а их потомками во втором и третьем поколениях.

Увидеть за текстами хроник те грани, те стороны реальности, которые они отразили лишь мимоходом и неосознанно, помогло введение в научный оборот новых категорий источников. Чрезвычайно полезными оказались, например, этнографические исследования среди индейцев Боливии и Перу – особенно проведенные до разразившихся в 1970-е гг. социально-хозяйственных потрясений. Эти наблюдения позволили проникнуть в основы присущего обитателям Анд миропонимания, заложив краеугольный камень в реконструкцию древних общественных структур. Кроме того, в перуанских архивах были обнаружены не предназначавшиеся к публикации документы середины и второй половины XVI века, прежде всего так называемые *visitas* – отчеты испанских чиновников о положении дел в провинциях вице-королевства. Они включают частные, нередко отрывочные, но зато подробные и, по-видимому, объективные сведения о демографии, социальной организации, отношениях собственности в последние годы существования инкского государства. Например, в отчетах, поступивших в 1549 и

1562 годах из районов расселения индейцев чупачу к востоку от крупного центра Уануко на севере горного Перу, приводятся уникальные числовые данные о распределении рабочей силы согласно последней переписи, которая проводилась при инках. Здесь же перечисляются производимые чупачу изделия и продукты, указывается, куда они должны быть отправлены. Значение этих документов для восстановления социально-экономической обстановки в Андах к началу 1530-х годов можно, пожалуй, сравнить со значением Смоленского архива для реконструкции нашего собственного недавнего прошлого (попавший в 1945 году в США, этот архив, как известно, являлся единственным собранием советских материалов 1930-х годов, которое сохранилось в первоначальном виде и было общедоступно).

Архивные материалы позволили оценить достоверность известной по хроникам панорамы инкского общества. Стало ясно, что она была излишне обобщена. Формы землепользования и управления, степень зависимости населения от центральной власти, соотношение доинкских традиций с навязанными из Куско новшествами были неодинаковы в отдельных районах. В то же время описания некоторых имперских хозяйственных и организационно-политических институтов оказались на удивление близко соответствующими подлинному положению вещей. Оказалось, что инки в самом деле централизованно контролировали продуктообмен, отчуждали в свою пользу не результаты труда, а лишь рабочую силу производителей, создали регулярную административную систему.

Однако никакие документы XVI в. не могут сравниться по важности с другим источником для изучения древнеперуанской культуры – археологией. В отличие от письменных документов, этот источник неисчерпаем. Археологи не только исследуют все новые поселения и могильники, но и придумывают все более изощренные способы анализа информации, используют все более совершенные методы изучения ботанических и костных остатков, состава металлов, способов изготовления тканей и т.п.

Многим знакомы фотографии Мачу-Пикчу – развалин инкского города в ныне малонаселенной местности на северо-западе от Куско. Создатель империи Пачакути основал здесь одну из своих резиденций, нечто вроде загородного дворца. После прихода испанцев город был заброшен, а его живописные руины открыты в начале нашего века. Не менее сильное впечатление на любителей экзотики производят детские захоронения на вершинах высоких гор. Видимо, они связаны с ритуалом «великого жертвоприношения», о котором еще пойдет речь. Подобные сенсационные открытия, однако, не всегда самые существенные для реконструкции прошлого. Раскопки велись и ведутся на многих больших и малых памятниках. Именно благодаря исследованиям археологов удалось существенно удревнить время появления инкского государства. Что же до предшественников инков, то почти все исследования, проведенные ранее 1990 года, выглядят сейчас как всего лишь первые шаги на пути познания. Самым же важным результатом исследований как в Андах, так и в других районах мира, стал отказ от представления об истории как о наборе кубиков, из которых строятся отдельные общества, и ступенек, по которым человечество поднимается все выше и выше. Историки не отказались от использования общих понятий, например, понятия раннего государства. Однако стало ясно, что границы между простыми и сложными, догосударственными и государственными обществами можно провести лишь условно. Именно благодаря археологам стало ясно, что для любых исторических тенденций и закономерностей всегда найдутся исключения. Английский социальный антрополог Эдмунд Лич был прав, когда еще в начале 1960-х годов написал: общество есть собрание не вещей, а переменных.

Разумеется, у археологов немало проблем. Археология – сравнительно дорогая наука, так что средств на раскопки никогда не бывает достаточно. Нередко поэтому проводится лишь поверхностное обследование руин с выборочными зачистками и закладкой шурфов. При такой методике хорошо идентифицируются некоторые виды ремесленной деятельности, поддаются отождествлению хранилища, комплексы общественно-культурного характера. Труднее бывает

определить, в каких помещениях работали и сколь многочисленны были надзиратели и счетоводы со своими «кипу» или временно собранные неквалифицированные рабочие. Отсутствие «очевидных» данных легко принять за доказательство их отсутствия и прийти к ошибочным выводам.

Я уже сказал, что археологические методы исследований постоянно совершенствуются. Однако это не значит, что с раскопками следует подождать, пока способы получения информации станут надежнее. Во всем мире происходит быстрое уничтожение археологических памятников. Их разрушают в процессе хозяйственного освоения территории и военных действий, их грабят «черные копатели» (которых в Андах зовут уакеро), некоторые виды памятников уязвимы и для природных воздействий – цунами и катастрофических ливней. Современные археологи часто следуют по стопам тех, кто разрушал памятники: стараются проследить то небольшое, что еще сохранилось, зачищают стенки грабительских ходов, изучают черепки от разбитых сосудов и обрывки тканей. И лишь крайне редко в соревновании ученых и разрушителей первые побеждают. Так случилось в 1987 году в деревне Сипан на севере побережья Перу, где полиция остановила людей, только что набивших мешок драгоценностями, извлеченными из древней гробницы. Последовавшие затем раскопки захоронений культуры мочика, относящихся к III в. н.э., стали мировой сенсацией и придали мощный импульс археологическим исследованиям в Центральном Андах. На протяжении последних 25 лет здесь работали десятки хорошо оснащенных экспедиций – как местных, так и организованных учеными из США, Европы и Японии. Пожалуй, нигде в мире археология не развивалась в последнее время столь быстрыми темпами, как в Перу.

В небольшой книге нет возможности рассказать о всех сторонах жизни обитателей инкского государства. Наша цель – заострить внимание не на этнографических или событийных подробностях, а на том главном, что выделяет инков среди остальных индейцев Америки и ставит в один ряд с создателями величайших империй древности. Инки не оставили после себя такого обилия великолепных произведений искусства, как их предшественники. Широко внедряя уже известные технические изобретения, завоеватели из Куско не сделали, по-видимому, ни одного из них сами. Но зато инки – это творцы продуманной социально-экономической и административной системы, с помощью которой им удалось в невиданных прежде масштабах мобилизовать и целенаправленно использовать трудовые ресурсы своей страны. Обладая многими важнейшими признаками всех империй, с одной стороны, и всех древних обществ – с другой, инкское государство отличается вместе с тем и рядом неповторимых особенностей. Возникает желание назвать его самым развитым из архаических и самым архаическим из развитых. Это государство унаследовало многовековые традиции более ранних цивилизаций, но возникло из конгломерата сражающихся племен, чьи вожди набивали чучела врагов золой и соломой и пили пиво из человеческих черепов. Десятичная административная структура инкского государства оставляет впечатление унылой стандартизации, но за кажущейся простотой скрывается сложный баланс политических и хозяйственных интересов, противостояние столицы и провинций, побережья и гор, юга и севера, приверженцев нового царя и потомков старого и т. п. Короче говоря, инки, осуществив свой исторический эксперимент, продемонстрировали достаточно своеобразный вариант организации коллектива из нескольких миллионов людей. Читатель, разделяющий гуманистическую систему ценностей, может быть, не сочтет подобный вариант особенно привлекательным, однако историки и философы весьма заинтересованы в его изучении. К тому же по сравнению со многими его предшественниками, инкское общество можно назвать почти гуманным – казни и пытки пленников перестали быть рутинной ритуальной практикой.

Каждая из допустимых форм общественного устройства, включая и наименее удачные, позволяет нам лучше определить свои возможности и увереннее ориентироваться в окружающем мире. С этой точки зрения реализация «инкской модели» имела глубокий смысл. Речь,

разумеется, не идет об оправдании попыток превратить общество в экспериментальную лабораторию. Любая «социальная инженерия» (излюбленный термин английского историка и журналиста Пола Джонсона) всегда влекла катастрофические последствия и для экономики, и для судеб отдельных людей. Однако есть основания подозревать, что в своих действиях древние и современные экспериментаторы бывали не столь уж свободны. Даже самые неожиданные исторические катаклизмы в немалой степени обусловлены многовековыми тенденциями общественного развития. Будучи следствием случайных, по видимости, обстоятельств, они все же оказываются частью естественного хода вещей. Тем более это относится к таким грандиозным, по любой мерке, событиям, как рождение и гибель целых цивилизаций.

Церемониальная ваза с изображением бога Наймлапа. Наследие культуры Ламбаеке.
Хранится в Музее Золота, Перу

Народы и цивилизации вносят вклад в мировую культуру уже благодаря самому факту своего существования. Это справедливо и в отношении обитателей Анд. Древние перуанцы научились выращивать множество видов и сортов полезных растений. Их изобразительное искусство и фольклорные традиции оказывают серьезное влияние на современных художников, писателей, композиторов. Приток золота и серебра, награбленного в перуанских гробницах и храмах, влил в свое время, как уже говорилось, свежие силы в экономику Европы. Однако более всего ценен социальный опыт индейцев, обогативший историческую память человечества.

Глава I

Предыстория инков

Природные условия центральных Анд

Ведя рассказ о народах, населявших Перу и Боливию в прошлом, некоторые потомки которых живут там и поныне, нельзя не предварить его кратким описанием природы Центральных Анд. Экзотические для нас особенности древнеперуанской культуры могли возникнуть только в тех совершенно необычных ландшафтно-климатических условиях, которые характерны для западных областей южноамериканского континента.

Анды – высочайшая после Гималаев горная система мира. Поскольку она пересекает тропический пояс, хозяйственная деятельность человека возможна здесь вплоть до высоты 4,5 км, то есть на 2 км выше, чем в Альпах или на Кавказе. Своеобразная, нигде больше не имеющая точных аналогов тундро-степь андских плоскогорий называется пуна. Она тянется от северного Чили до центральных районов Перу. Дальше по направлению к Эквадору ее сменяют альпийские луга, именуемые в Южной Америке парамо. Пуна и парамо различаются рельефом, климатом, флорой и фауной, поэтому эти зоны осваивали в древности разные группы людей. Пуна делится на нижнюю, где сажают картофель и другие горные клубнеплоды, сеют каньюа и киноа (богатые белками растения из семейства маревых), и верхнюю, пригодную лишь для выпаса скота. Чем дальше шло к югу, тем пуна засушливее, так что на боливийско-чилийской границе это местами уже настоящая солончаковая пустыня. Лучшие, хотя сравнительно небольшие по площади, пастбища пуны находятся в центральном Перу близ оз. Хуни.

Ниже пуны располагаются более теплые долины и котловины. Центр самой обширной из них и выше других расположенной занимает крупнейшее озеро Южной Америки – Титикака. На дне глубоких долин картофельные поля уступают место посевам кукурузы. В основном долины засушливы, и поля приходится орошать, но на обращенных к востоку склонах гор на высоте 2,5-3,5 км местами выпадает очень много осадков. Эти холодные дождливые районы с бедными почвами покрыты низкорослыми зарослями и ныне почти безлюдны. Называют их «сеха де сельва» – «бровь лесов». Ниже по восточной окраине Анд растет уже настоящий горный лес, постепенно переходящий в тропический. В зону распространения центральноандской цивилизации лесные районы не входили, но их население порой проникало на запад, сыграв известную роль в истории древнего Перу.

Нижний пояс гор, обращенных к Тихому океану, засушлив и рассечен крутыми ущельями. Населения здесь почти нет. Далее начинается прибрежная равнина, которая на севере Перу достигает ширины 50 км. К югу она сужается, так что горы местами вплотную подступают к воде. Холодное течение Гумбольдта определяет особенности климата побережья. Несмотря на близость к экватору, здесь не жарко, лето и зима слабо различаются по температуре. Воздух с океана, оказавшись над сушей, нагревается, и дожди идут только высоко в горах. Жизнь на побережье сосредоточена там, где на равнину выходят горные речки или имеются источники подземных вод. Оазисы отделены друг от друга участками пустыни шириной 20-40 км. Эти оазисы плодородны и густо заселены.

В некотором отношении тянувшаяся вдоль западных отрогов Анд пустыня (прямое продолжение чилийской пустыни Атакама) напоминает подгорные полосы, окаймляющие засушливые равнины Азии от Ирана до Восточного Туркестана. Возникшие здесь и там на основе орошаемого земледелия древние цивилизации тоже имеют кое-что общее, например, в технике домостроения: те же массивные сооружения из сырцового кирпича, те же прямоугольные в

плане жилища с плоскими крышами. Однако различий, конечно, больше, чем сходства. Если азиатские речки теряются в песках, то перуанские несут свои воды к морю. Близ берега в океане действуют восходящие потоки воды, которые выносят из глубин соединения азота и фосфора. Благодаря поступлению питательных веществ у берегов Перу, особенно на участке от Лимы до северного города Трухильо (долина Моче), сложилась одна из самых богатых в мире биосистем морских организмов. Рыбы здесь было так много, что ею удобряли поля.

Распределение природных ресурсов обусловило пространственную структуру центральноандской цивилизации. В ней с самого начала наметились два относительно независимых центра. В горах наилучшие возможности для развития производящего хозяйства существовали на юге области в бассейне оз. Титикака. Здесь расположены самые обширные пастбища и поля, немалое значение имел и сам пресноводный водоем – крупнейший в Южной Америке. На побережье центр развития был, напротив, смещен к северу, где оазисы наиболее обширны, а море богаче всего. Крайний юг побережья Перу – не более чем хозяйственный придаток бассейна Титикаки. В свою очередь горные районы на севере находились под влиянием мощных прибрежных культур. В центральном Перу соотношение горных долин и прибрежных оазисов более уравновешено и культурные взаимодействия носили здесь наиболее сложный характер.

Благодаря тому, что участки плодородных земель разделены в Андах пустынями и горными хребтами, а преимущественно земледельческие районы перемежаются с преимущественно скотоводческими, культурное разнообразие в древности здесь было очень велико. Центральноандская цивилизация представляла собой исключительно сложную и динамичную систему, в которой взаимодействовали коллективы людей с весьма неодинаковыми формами социальной и хозяйственной организации. Если ранние цивилизации Старого Света были окружены варварской периферией, то в Андах периферийные общества глубоко вклинивались в зону высоких культур.

С востока Центральные Анды ограничены лесами бассейна Амазонки, с запада – океаном. Северная и южная границы менее четкие, во всяком случае двухступенчатые. Первый рубеж на севере проходит чуть южнее современной границы между Перу и Эквадором. Горные хребты здесь настолько сужаются и понижаются, что сельва почти пересекает их, приближаясь к небольшим участкам тропического леса на западных склонах Анд. На побережье близ экваторской границы пустыню сменяет саванна. В районе порта Тумбес воды океана резко теплеют и становятся беднее рыбой. В годы глобального климатического дисбаланса (явление «эль-ниньо») теплые воды распространяются дальше к югу, что не раз приводило в Перу к страшным стихийным бедствиям – дождевые потоки разрушали оросительные каналы, в море гибла рыба.

Своеобразие природной среды на крайнем севере Перу по сравнению с более южными районами значительно повлияло на ход этнических и хозяйственных процессов. Ни одна из предшествовавших инкам перуанских культур не смогла распространиться на экваторскую территорию. Неодолимым препятствием оказался данный участок для одомашненной на плоскогорьях Боливии и Перу холодолюбивой альпаки, которая, возможно, прижилась бы в горах Эквадора. Пять тысяч лет назад по североперуанскому коридору с востока на запад, видимо, проникли окультуренные в южноамериканских низменностях теплолюбивые клубнеплодные растения типа маниока и батата. Иногда здесь продвигались в горы из Амазонии лесные племена.

Все же индейцы Эквадора, особенно жители побережья, не были полностью отрезаны от населения Центральных Анд. Обработка плодородных земель и посредническая торговля позволили эквадорским прибрежным обществам еще в I тыс. н. э. достичь предгосударственного уровня социально-политической организации. Горные районы этой страны приобрели важное значение позже – в основном уже при инках.

В целом Эквадор образует северную периферию Центральных Анд, тогда как Колумбия в культурном отношении отличалась от Перу гораздо сильнее. На ее границе с Эквадором рас-

положен труднопроходимый горный узел, где сходятся западные и восточные хребты Кордильер. Тихоокеанское побережье покрыто густыми влажными лесами, и лишь на его крайний юго-запад с середины I тыс. до н. э. проникали высокие культуры эквадорского типа.

На юге Перу и в Боливии область древних цивилизаций простиралась примерно до 17° ю. ш. Южнее даже в горах осадков выпадает мало, и крохотные оазисы здесь отделены друг от друга многими десятками километров пустыни. Но в остальном аридная область Южных Анд в Боливии, Чили и Аргентине прямо продолжает центральноандскую, так что местные культуры земледельцев, скотоводов и рыбаков были достаточно сходны с культурами Перу. С начала I тыс. до н. э. Южные Анды прочно входят в орбиту того культурного центра, который сложился вокруг оз. Титикака. Лишь в центральном Чили и на восточных склонах аргентинских Анд ландшафтно-климатические условия уже принципиально отличаются от центральноандских. В этих субтропических долинах и пролегали последние рубежи инкского государства.

Природные условия в Центральных Андах не только разнообразны – они неоднократно менялись. Так, до середины II тыс. до н.э. в бассейне оз. Титикака было так сухо, что о развитии земледелия и появлении сложных обществ не могло быть и речи. Затем дождей стало больше, и к концу I тыс. до н.э. культуры Боливийского плоскогорья вышли на тот же уровень, что и североперуанские. Упадок и возвышение отдельных культурных центров во многом были обусловлены изменением природных условий. Но засухи, землетрясения и цунами не были единственными факторами, вызывавшими кризисы. Самые крупномасштабные кризисы, приводившие к кардинальной перестройке культуры, были вызваны социальными факторами. Последняя по времени культурная перестройка, имевшая место на рубеже I и II тыс. н.э., и привела в конечном итоге к возвышению инков.

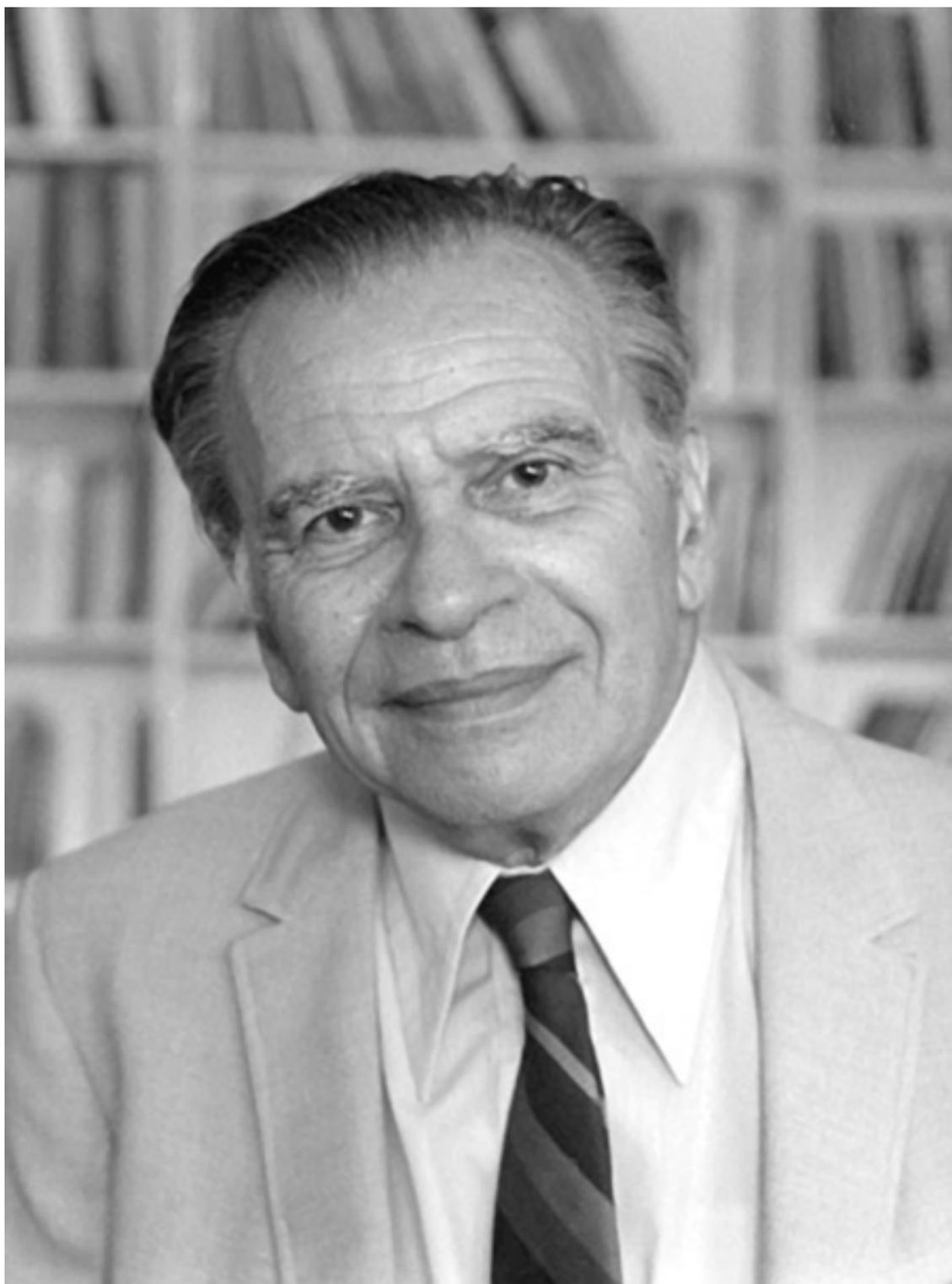
Этноязыковая ситуация накануне инкского завоевания

К концу 40-х годов нашего века археологи открыли главные предшествовавшие инкам перуано-болливийские культуры. Однако исследователи плохо представляли, где проходили и как менялись во времени границы этих культур, чем существенным одни общества отличались от других. И уж совсем темным оставался вопрос о том, какие народы жили в Централь-ных Андах до инков и на каких языках говорили. Сейчас положение существенно изменилось как благодаря продолжающимся раскопкам, так и работе лингвистов, о которой мы пока еще ничего не сказали. Сопоставляя результаты языковой реконструкции с археологическими фактами и сведениями письменных источников, удастся получить представление о тех этнических процессах, которые предшествовали возникновению инкской империи и способствовали ему.

Хорошо известно, какой огромный вклад внесло сравнительное языкознание в изучение дописьменного прошлого Евразии. К сожалению, индейские языки вообще, а южноамериканские в особенности, изучены пока слишком поверхностно, чтобы служить основой для столь же надежных исторических реконструкций.

В наших этнографических и демографических справочниках, приводящих сведения о народах Америки, до сих пор нередко используется классификация индейских языков, предложенная в 1956 году Дж. Гринбергом. Этот выдающийся исследователь объединил все подобные языки (кроме нескольких северо-американских, так называемых надене) в девять семей и признал их потомками единственного праязыка, на котором говорила группа переселенцев из Сибири. По его мнению, именно эти люди прошли 15 тысяч лет назад через Берингию – сухопутный мост, соединявший в период великих оледенений Чукотку с Аляской. Сейчас сторонников Гринберга практически не осталось. Даже если интуитивно Гринберг был прав, доказать его построения пока практически невозможно.

Не менее половины южноамериканских языков Гринберг первоначально объединил в одну макросемью – андо-экваториальную. Именно эта, не признаваемая сейчас никем таксономическая единица и фигурирует, увы, в русскоязычных справочниках. Поскольку древнейшие культуры, обнаруженные на востоке и на западе Южной Америки и датируемые временем ранее 10 тысяч лет назад, различаются капитально, маловероятно, чтобы между обитателями Восточной Бразилии и Анд могло существовать языковое родство. Весьма вероятно, что в период от 15 до 10 тысяч лет назад через Анды прошло несколько групп мигрантов, расселившихся из Северной Америки на юг вплоть до Патагонии и Огненной Земли. Что же касается Бразилии, то заселение внутренних районов этой страны, вероятно, шло со стороны ныне затопленного атлантического континентального шельфа. Туда люди тоже попали из Северной Америки и в конечном счете из Сибири, но поскольку их стоянки находятся сейчас на дне океана, конкретные предположения делать трудно.

Джозеф Гринберг – американский лингвист, профессор Стэнфордского университета, один из основателей современной лингвистической типологии

Среди индейских языков притихоокеанского пояса Южной Америки наиболее распространены сейчас кечуа (не менее 13 млн. человек) и аймара (более 2 млн. человек). В обоих случаях, впрочем, правильнее говорить о целых языковых семьях, состоящих каждая по меньшей мере из двух взаимонепонимаемых языков, не считая диалектов. Большинство кечуанских диалектов от южной Колумбии до северо-западной Аргентины относится к группе А, а диалекты северо-центральной части горного Перу (департаменты Анкаш, Уануко, Паско, Лима,

Хунин) – к группе Б. По другой номенклатуре группа А обозначается цифрой II, а Б – цифрой I. Такая путаница возникла потому, что данная классификация была создана двумя независимо работавшими исследователями – американцем Дж. Паркером и перуанцем А. Тореро. Что касается языка аймара, то это основной представитель семьи хаки (или ару). На нем говорят индейцы Боливийского плоскогорья, живущие вокруг оз. Титикака, а также на юг и юго-восток от него на территории современных Перу, Боливии и Чили. В эпоху конкисты зона распространения аймара простиралась дальше на северо-запад, охватывая горные районы нынешних перуанских департаментов Пуно, Мокегуа, Арекипа и часть департамента Куско. В нескольких горных деревнях к юго-востоку от Лимы до самых недавних пор сохранялись диалекты языка хакару, чье расхождение с языком аймара началось примерно полторы тысячи лет назад.

Точный ареал распространения хакару к началу инкской экспансии не установлен, но, вероятно, он простирался от северо-западной границы расселения аймара до района оз. Хунин в центральном Перу, т. е. до северной границы распространения пуны. Совокупный ареал хаки (т. е. аймара и хакару) весьма точно вписывается в пределы того участка андской горной системы, для высокогорных районов которого характерна тундростепная растительность.

Семьи кечуа и хаки в прошлом признавались родственными. Ныне общие черты в них считаются скорее следствием долгих контактов, чем единого происхождения. Даже Дж. Гринберг, на совести которого немало рискованных объединений, полагал, что в пределах андской семьи аймара стоит несколько особняком.

Язык кечуа А/П считался в государстве инков официальным и назывался «языком народа», или руна сими. Инки содействовали его распространению на завоеванных территориях, хотя окончательная кечуанизация Центральных Анд произошла лишь в колониальный период. Тогда же кечуа А проник в районы, никогда инкам не подчинявшиеся, такие как южная Колумбия, восточный Эквадор, некоторые области Аргентины и восточного Перу.

Наряду с кечуа и хаки к началу конкисты в Центральных Андах были представлены десятки других языков, о многих из которых мы в лучшем случае располагаем данными топонимики. Намечаются три их территориальные группы.

Обитатели северного побережья Перу говорили на двух основных языках – кингнам и мучик. Первый был языком завоеванного в XV веке инками царства Чимор. Область распространения кингнам простиралась на юг от города Трухильо (долина Моче) – по некоторым сведениям почти до самой Лимы. Мучик – язык культуры (и, видимо, государства) сикан. Он был распространен от нынешнего Трухильо на север до пустыни Сечура. В южной части этого ареала кингнам успел его несколько потеснить – вероятно, с тех пор, как в XI–XII веках н.э. территория Сикан вошла в состав царства Чимор. В долинах между пустыней Сечура и Эквадором говорили на языках сечура (вдоль побережья) и тальян (ближе к горам). Все перечисленные четыре языка считаются изолированными. Правда, для мучик предполагались северные связи (вплоть до майя), но эти гипотезы не признаны. Индейцы, говорившие на кингнам, мучик, сечура и тальян, в течение XVII–XVIII веков перешли на испанский, хотя и в XIX, и даже в XX веках встречались люди, помнившие из них отдельные слова.

Языки второй территориальной группы представлены на севере горного Перу. Это чолон и ряд других, частью исчезнувших уже ко времени испанского завоевания. Дж. Гринберг объединял все эти языки в одну семью с кечуа, а А. Тореро не возражал, по-видимому, категорически против такого предположения. Скудость конкретных фактов исключает здесь возможность уверенных суждений.

Третью группу составляют реликтовые языки бассейна оз. Титикака, отмеченные на той же или несколько более широкой территории, что и язык аймара. Несмотря на сравнительно обильный лексический материал, вопрос об их взаимном родстве также не решен. Не исключено, что речь идет о двух совершенно независимых семьях.

Одна из этих семей представлена довольно сильно различающимися между собой диалектами языка пукина. Совокупные данные разных источников свидетельствуют о преимущественном распространении пукина к юго-западу, северу и востоку от Титикаки. Другой язык, урукилья, был представлен от южного берега Титикаки до южной оконечности Боливийского плоскогорья.

Между языком и хозяйственно-культурными особенностями отдельных групп населения южного Перу и западной Боливии однозначного соответствия в XVI веке не наблюдалось. Большинство тех, кто говорил на пукина, в остальных отношениях мало отличались от аймара. Исключение составляют индейцы кольяуайя, живущие не на самом плоскогорье, а в долинах на его северо-восточной окраине. Сейчас они перешли на кечуа, но знахари кольяуайя употребляют пукина в качестве особого, «тайного», языка. Кольяуайя в целом могут быть противопоставлены аймара как земледельцы – скотоводам. На урукилья до недавних пор говорили водные собиратели и рыбаки уру, жившие по берегам озер Титикака и Поопо, но этим же языком пользовалась и скотоводческая община Чипайя, а некоторые уру в XVI веке были аймара – или «пукинаязычны».

Независимо от того, как решится вопрос о взаимном родстве пукина и урукилья, оба эти языка имеют по крайней мере одно общее: на протяжении всего периода, отраженного в исторических источниках, они сдавали свои позиции кечуа и аймара. К приходу инков на западной и северо-западной стороне Титикаки господствовали два основных племенных объединения – лупака и колья. А. Тореро полагал, что первые были чистыми аймара, тогда как вторые включали сильный субстрат пукина.

Предшественники инков по данным археологии

В горных районах Центральных Анд империя инков не была первым, древнейшим государственным образованием. Инкам предшествовали цивилизации уари и тиауанако, расцвет которых приходится на третью четверть I тыс. н. э., а корни уходят в середину II тыс. до н. э. Территория тиауанако довольно близко совпадает с областью расселения аймара в XVI веке, а уари – с зоной распространения языков кечуа, если принимать во внимание только перуанские диалекты, без отдаленных анклавов в Эквадоре, Аргентине и в тропических низменностях. Центр культуры уари находился в 240 км на запад от Куско, близ нынешнего города Аякучо. Ее влияние прослеживается от Куско на юго-востоке до Кахамарки на севере, а также на южном и центральном побережье Перу, в меньшей мере и на северном побережье. Главные памятники культуры тиауанако, в том числе одноименное столичное городище, расположены на равнине, прилегающей с юга к оз. Титикака. Изобразительное искусство уари и тиауанако отличается сходный парадный художественный стиль, восходящий к какому-то более древнему источнику в бассейне Титикаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.